

КЛАССИК ИЗ ПОКОЛЕНИЯ БУНТАРЕЙ

В АРТ-ЦЕНТРЕ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ГЕРЦЕНА 17 СЕНТЯБРЯ СОСТОЯЛАСЬ ВСТРЕЧА С ПИТЕРСКИМ ПОЭТОМ, ПРОЗАИКОМ, ЭССЕИСТОМ ПЕТРОМ БРАНДТОМ.

Оказалось, что гость с берегов Невы имеет некоторое отношение к Кировской области: его отец, Лев Брандт, в 1937 году был сослан в Кильмезь. Брандт-младший интересовался, дошли ли туда пути от Кирова. Возможно, в следующий свой приезд Пётр Львович и посетит Кильмезь. Но на этот раз в его планы входил только Киров с его библиотеками и читателями.

«Война да тюрьма»

– Я родился в 1947 году в Пскове, где жили мои родители после войны, – рассказывал гость. – Отец мой, Лев Владимирович Брандт, был писателем, но судьба его сложилась неудачно, был репрессирован, и при жизни его издавали только два раза, не считая отдельных рассказов, пьес в журналах. Его повесть «Браслет-2», посвящённая беговой лошади и опубликованная в 1936 году, была сразу же замечена как литературной критикой, так и рядовыми читателями (особенно «лошадниками»). Она стала настольной книгой на многих ипподромах и конных заводах, пользовалась большим успехом, в том числе у маршала Будённого. Всё это, несомненно, могло явиться хорошим началом серьёзной писательской карьеры, если бы не последовавший сразу же за этим арест. В 1937 г. Льва Брандта арестовали по доносу (58-я статья), и после тюрьмы оказался в Кильмези. Затем был Ленинградский фронт, откуда с тяжёлой контузией отец попал в госпиталь. После ареста его произведений вовсе не печатали, он даже не имел возможности жить в Ленинграде, хотя числил-

ся членом тамошнего отделения Союза писателей. Работы постоянной не имел никогда, несмотря на то что окончил два вуза: юрфак Ленинградского университета и режиссёрский факультет театрального института. В 1949 году отец умер, после реабилитации 1956 г. его издавали три раза.

Главная и самая известная повесть «Браслет-2» легла в основу фильма, снятого в 60-х годах на киностудии «Ленфильм». Несмотря на то, что отец писал настоящую русскую прозу на уровне Пришвина, Бианки, ему не дали возможности развернуться в полную силу. Моя мама, разделившая с отцом все тяготы и лишения, не раз говорила: «Вся наша жизнь – война да тюрьма». Все издания Льва Брандта – результат её титанических усилий при обивании порогов ленинградских издательств.

«Сайгон» – прибежище гонимых гениев

– Моя судьба немного иная, – продолжил Пётр Львович свой рассказ, – после реабилитации отца жить нам стало легче, начали издаваться его книги, появились деньги. С 1962 года я живу на Большой Подъяческой, известной по роману Достоевского «Преступление и наказание». На математическом факультете ЛГУ я учился до 1971 года на вечернем, заочном и дневном отделениях. Работал служителем в зоопарке, почтальоном, грузчиком, токарем на заводе, техником, учителем в деревенской школе, рабочим в магазине, продавцом мороженого, инженером в двух НИИ. За время своей трудовой деятельности ничего полезного не создал. Много ездил, побывал практически во всех городах европейской части страны, а также в Средней Азии и Казахстане. Был близок к кругу поэтов «Сайгона» (неформальное название кафе на Невском проспекте, где собирались непризнанные и гонимые гении андеграунда) и Малой Садовой. В начале 70-х годов написал первую поэму «Монголь», которая вошла в антологию «У Голубой лагуны», выпущенную в США. Я начал писать стихи, будучи уже достаточно взрослым человеком, так как в школе кто-то из приятелей мне сказал, что писать стихи неприлично для мужчины. А в самом конце 60-х настало время расцвета «уличной» поэзии. Однако вскоре в некоторых моих стихах вдруг появился строго организованный, энергичный слог, напоминающий классический. Я не препятствовал его развитию в моём творчестве, и вскоре он стал тем основным, к чему я впоследствии стремился,

что пытался всеми силами сохранить. Однако это оказалось не так-то просто. С этим были связаны очень большие испытания в моей жизни. Но именно те стихи, в которых классический слог реализовался в полной мере, приносили мне наибольшее удовлетворение.

Пётр Брандт прочитал в арт-центре несколько своих стихов из разных циклов и возрастных периодов: о Грузии, написанные в 80-е годы на большом душевном подъёме, об Италии, Испании, Югославии – в духе вагантов, стихи из сборника «Вино одиночества» – философского плана.

«В поздней поэзии Петра Брандта с особой пронзительностью чувствуется переосмысление сущности людских страданий, истинно православное понимание жизни, где причащение вином одиночества воспринимается как благодать» – так сейчас оценивает критика творчество петербургского автора, в ранних стихах продолжавшего дело странствующих средневековых поэтов.

Ныне представитель питерской богемы 70-х-80-х годов, как рыба в воде «плававший» в обществе людей, подвергавших сомнению многие традиционные взгляды общества на мир, мораль и политические доктрины, стал, можно сказать, поэтом религиозным.

«Сегодня я живу в другой стране»

– Страна, в которой мы жили, с моей точки зрения, была неплохой, – продолжил свои рассуждения Пётр Львович. – Во многом она была лучше той, в которой мы живём сейчас. Она была и справедливее по отношению к людям. Там существо-

вали вещи, которых сейчас нет. Например, бесплатное и честное образование, это я вам говорю, как человек, окончивший в то время математический факультет университета. И мои сокурсники, оказавшиеся за границей, легко устроились в самые престижные научные центры и институты. Это была страна, в которой невозможно было выбросить старика из квартиры только потому, что он по пьяной лавочке подписал какие-то бумаги. Это всё правда.

– Однако правда и другое, – свернул свою похвалу Пётр Брандт. – Это была страна, в которой мнение человека, его совесть находились под прессингом. Причём не явным, но очевидным. Страна была не просто атеистической, не просто богоборческой, но идолопоклоннической. Культура была сплошь идеологизированная, а значит, в определённой степени греховная. Поэтому и появилась как альтернатива уличная культура «Сайгона», который посещали такие известные ныне поэты, актёры и художники, как Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Евгений Рейн, Иннокентий Смоктуновский, позднее – Борис Гребенщиков, Виктор Цой, Михаил Шемякин, Юрий Шевчук, Олег Гаркуша, Константин Кинчев, «Митьки». Появление уличной культуры не случайно. Конечно, всегда были люди непризнанные, которых понимали только потомки. Но на каждого такого непризнанного гения приходилось 99% малоспособных, не выдерживающих настоящей творческой конкуренции. Однако в «Сайгоне» всё обстояло не так. Это была культура людей, не согласившихся существовать под прессингом советской идеологии. Мы чувствовали себя солдатами невидимого фронта. Однозначно, что «уличные поэты» продолжили главную линию русской литературы. Там были и классики, и футуристы, и модернисты. Но объединяла всех этих людей общность существования в свободном маленьком мире.

Со временем поменялись темы, настрой поэзии не только в творчестве Льва Брандта, но и его друзей и единомышленников, так как «вместо воинской славы» наступило «бахвальство воров», о чём идёт речь в одном из последних стихотворений Брандта. В книге «Вино одиночества», по определению самого автора, чувствуется его менее радужное отношение к миру, и это он считает потерей. Своё поколение Пётр Брандт относит к последнему поколению романтиков-бунтарей. А ещё он уверен, что на смертном одре с каждого человека спросится по заслугам, по тому, как он распорядился дарованной внутренней свободой, даром любить людей и воспринимать красоту.

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВА
ФОТО АВТОРА

Во время встречи с поэтом прошла и автограф-сессия.